

Д. Е. ҚАЗАНЦЕВ (Йошкар-Ола)

К ПРОБЛЕМЕ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ В ВОЛГО-КАМЬЕ

В последнее время эта проблема становится очень популярной. Исследователи приводят новые и новые данные для ее обоснования и разрешения. В языках Волго-Камья имеются общие фонемные изменения, которые, однако, до сих пор не получили убедительных объяснений о времени и причинах их возникновения. Одним из таких является изменение гласных нижнего подъема. В результате этой модификации в марийском языке сложились междиалектные соответствия *ä* — *a* и *a* — *o*.

Вначале рассмотрим соответствие *ä* — *a*. Древних слов (одни финно-угорские, другие — заимствования из иранских языков), в которых оно отмечено, имеется немного: морк.-серн. *ka-rme* 'муха' (лив. *kärmi* 'муха'); марЛ *paša-* — марГ, марСЗ *pä-šä* 'дело, работа; занятие' < иран.: хот.-сак. *pāsā*, тадж. *peša* 'занятие, ремесло'; Л *ša-rtñe* — Г *šä-rtñi*, СЗ *šä-rtñä* 'верба' (лив. *säärni* 'яшень')

Соответствие *a* — *ä*, в котором первичен *ä*, обнаруживают главным образом чувашские заимствования. В оригинале обычно употребляется *a*, в других тюркских языках этой фонеме соответствуют различные гласные.¹ Поэтому до сих пор нет единого мнения, к какому гласному она восходит (Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков 1984 : 144—145). Одной из основных причин противоречивого толкования следует считать то, что современные тюркологи игнорируют факты горного и северо-западного наречий, которые на месте чув. *a* показывают переднерядный *ä*, характерный для азербайджанского, куманского, уйгурского и других языков: Г, СЗ *ä-tä* — Л *ä-te* 'посуда' < чув. *adä* 'сапог' (тур. *ädik*, кум. *ätik*); Г *jä-mdä*, СЗ *jä-mtä* — Л *ja-mde* 'готовый' < чув. *jamdä* (уйг. *ämdi*); Г, СЗ *käš* — Л *kaš* 'пласт земли' < чув. *kas* (азерб., уйг. *käs*); Г, СЗ *täpä-nä* — Л *tapana*, *tağāna* 'лоток' < чув. *tagana* (кум. *tägänä*).

Для установления верхней границы относительного времени перехода *ä* > *a* в луговом наречии можно учитывать данные малмыжского

¹ Исходя из того, что чув. *a* в других тюркских языках могут соответствовать *ä*, *e*, *i*, Л. П. Грузов (1964 : 112; 1969 : 98) предположил возникновение его из переднерядных *ä*, *e*, *i*. Это произошло потому, что в одном случае чувашское слово с *a* сопоставляется с татарским, в первом слого которого произносится *i*, в другом оно сравнивается с киргизским словом, имеющим *e* в первом слого, в третьем случае чувашское слово с *a*. Л. П. Грузов этимологически связывает с уйгурским или чагатайским словом, которое имеет *ä* в первом слого. Между тем гласные *ä*, *e*, *i* в названных тюркских языках отражают различные ступени развития *ä.

говора марийского языка, в котором судьба *s зависела от ряда гласных в составе слова (Wichmann 1906 : 17—25; Beke 1934 : 91): в словах с гласными переднего ряда $s > \acute{s}$, а в словах с заднерядными гласными этот согласный, хотя и непоследовательно, остался без изменений. В остальных марийских диалектах $s > \acute{s}$ независимо от качества гласных: Г, СЗ *šä-βäš* — Л *šäβa-š*, малм. *saβa-š* 'сыпать; поливать' < чув. *sap* (уйг. *säp*); Г, СЗ *šä-räš* — Л *šara-š*, малм. *sara-š* 'постелить, расстлать' < чув. *sar* (тур. *sär*). На основании таких примеров можно заключить, что $\acute{a} > a$ в чувашском языке происходил до начала изменения $s > \acute{s}$, интенсивно развивавшегося в большинстве марийских диалектов до XIII в. (Paasonen 1918 : 119). На вопрос о том, когда возникло изменение $\acute{a} > a$ в чувашском языке, дают положительный ответ болгарские заимствования в венгерском языке, представленные гласными *é* и *e*: венг. *bér* < булг. **bäri-* (уйг. *bär*) — чув. *par* 'дать'; венг. *eke* < булг. *äkäy (тур. *äk-*) — чув. *aga* 'пашня; сев'. З. Гомбоц предполагал, что указанный переход гласных в языке болгар начал действовать после IX в., когда прекратились их связи с венграми (Gombocz 1912 : 154—155). Вывод венгерского ученого в последнее время пытаются пересмотреть М. Р. Федотов (1980 : 85), выдвигая мысль о том, что в древнечувашском или близкородственном языке болгарского типа задолго до IX в. на месте древнетюрк. *ä* мог произноситься *a*. Основанием для критического отношения к традиционному мнению послужила византийская хроника VI в., в которой имеется название Волги в форме *Atl*. Различные варианты этого гидронима (*Attila*, *Atel*, *Etel*), приведенные М. Р. Федотовым (1980 : 86) из византийских источников более позднего времени для подтверждения его тюркского происхождения, должны быть истолкованы иначе. Прежде всего следует учитывать существование *Atil* — названия Волги — до н. э. (Rasony 1953 : 347—350)². Помимо этого, необходимо обратить внимание на «Хронографию» Феофана, на которую ссылается также М. Р. Федотов. В ней среди гидронимов Северного Причерноморья упоминается «величайшая река, стекающая вниз от океана по земле сарматов и называемая Атель...» (Чичуров 1976 : 66). Отсюда можно заключить, что одно из древнейших названий Волги тюркскими племенами заимствовано у сарматов. Это произошло не ранее, чем во второй половине I тыс. н. э., так как первые тюркские источники, в которых содержится сообщение о Волге-реке, относятся лишь к X в. И несомненно, что разные варианты ее названия отражают наметившуюся к X в. дифференциацию пратюркского языка. Вариант *Atil*, зафиксированный М. Кашгарским в XI в., может быть исходным для современного чув. *Atäl* и свидетельствует о вероятности $\acute{a} > a$ не ранее указанного времени, хотя М. Р. Федотов (1980 : 87—88) относит его к V—VII вв. В данном случае исследователь наряду с венгерским игнорирует материал марийского языка, в диалектах которого своеобразно отразилось чувашское изменение $\acute{a} > a$.

Для марийского языка загадочно также соотношение *a* — *o*. Историю его исследователи первоначально трактовали, исходя из *a^o* в финно-угорском языке-основе (Setälä 1896 : 25—28). Наличие подобного гласного в древнемарийском языке признавал Э. Беке (Beke 1911 : 38), по мнению которого он в горном наречии лишился лабиализации,

² В нижнем течении Волги, а также в южнорусских степях в те отдаленные времена кочевали не тюрки, а скифы, савроматы и сарматы (Смирнов 1964 : 24—74, 181; рис. 82, 84; Смирнов 1966 : 41—47). Очевидно, через них в пермские языки (ср. коми *саридз* 'море; теплые края, теплое море', удм. *зарезь* 'море'), проникло индоиранское название моря (др.-инд. *zrayas*, авест. *zrayah-* 'море'), которое первоначально могло обозначать как Каспийское, так и Черное море (Setälä 1916 : 494).

а в луговом дал *o*. Посредник *a°* реконструируется также М. Рясняном (Räsänen 1920 : 81) в чувашских заимствованиях, показывающих междиалектное соотношение *a — o*. В наше время историю последней корреляции как в финно-угорских, так и в чувашских заимствованиях изучал Э. Итконен. Он считает вероятным существование *a°* в древнемарийском языке, но утверждает, что в языке-основе *a* не имел огубленного оттенка. Появление *a°* в марийском языке Э. Итконен связывает с влиянием татарского языка, в котором подобно башкирскому имеется идентичная фонема. Дальнейшее развитие древнемар. *a°* он представляет таким же, как и предшествующие исследователи (Итконен 1953 : 192; 1969 : 243—244). Помимо татарского и башкирского языков, *a°* встречается в узбекском. Поэтому необходимо обобщить мнения специалистов по данному вопросу и высказать к ним свое отношение.

В узбекском языке *a°* имеет позднее происхождение. Его развитие здесь могло быть обусловлено как влиянием таджикского языка, в котором встречается такой гласный (Поливанов 1933 : 12; 1935 : 37—38), так и комбинаторными условиями (Щербак 1970 : 41). Вторичным может быть и *a°* в татарском языке. Как показывают исследования последних лет, гласный *a°* не имеет всеобщего распространения. Неравномерна степень его огубленности в татарских диалектах: различают *a* — сильный вариант лабиализации и *a°* — слабый вариант. Оба оттенка фонемы известны главным образом в говорах Заказанья, поэтому отдельные языковеды связывают их появление с марийским субстратом (Бурганова 1978 : 77—78). Однако в ашитском говоре (распространен в бассейнах Ашита, Илети и Шоры), с носителями которого в прошлом соприкасались марийцы Арской и Алатской дорог (Казанцев 1985 : 103—105; 116; 1987 : 132), фонема *a* является чистой, что вряд ли следует объяснять только влиянием ногайского языка. Неслучайно в татарских заимствованиях, за исключением единичных (Л *kokãra·š* — СЗ *ka-kãraš*, Г *ka-χãraš* 'кашлять' < тат. *kakry*), луговые марийцы произносят *a*, подобно горным и северо-западным: Л *alaša·* — Г, СЗ *ala·ša* 'мерин' < тат. *alaša*; Л *kapka·* — Г, СЗ *ka-pka* 'ворота' < тат. *kapka*; Л *pa-tãr* — Г, СЗ *pa-tãr* 'сильный' < тат. *batyr*.

Отсюда можно заключить, что лабиализация *a* в луговом наречии происходила до начала влияния татарского языка и охватила многие финно-угорские слова. Этот процесс протекал без *a°*, на что впервые указывал Л. П. Грузов (1969 : 102): Л *bola·š* — Г, СЗ *βa-laš* 'спускаться' (фин. *valua* 'течь, сползать', морд. *valgoms* 'спуститься, слезть'); Л *jol* — Г, СЗ *jal* 'нога' (фин. *jalka* 'нога'); Л *koja·š* — Г, СЗ *ka-jaš* 'виднеться, показываться' (фин. *kajastaa* 'виднеться, сиять, отражаться'); Л *konda·š* — Г *ka-ndaš*, СЗ *ka-ntaš* 'нести, принести' (фин. *kantaa* 'нести; достигать', морд. *kandoms* 'нести, тащить'); Л *no-čko no-čko, no-čko* — Г *na-čkã*, СЗ *na-ckã* 'сырой' (фин. *nahkea* 'влажный', мокш. *načka*, эрз. *načko* 'мокрый, сырой'); Л *pot* — Г, СЗ *pat* 'котел' (фин. *pata* 'горшок'); Л *po-rmo* — Г, СЗ *pa-rmã* 'слепень' (фин. *paarma* 'слепень').

В луговом наречии переход *a > o* был довольно последовательным. Учитывая межэтнические контакты, нельзя отрицать роль марийского субстрата в развитии *a°* в заказанских говорах татарского языка. По данным археологии (Халиков 1958 : 87), часть марийцев в бассейне р. Ашита отатарилась уже к XIV—XV вв. Однако определяющим все же было болгарское влияние. На такую вероятность ранее указывал Л. Залаяетдинов. По мнению исследователя, огубленный *a*, который ему тогда представлялся одинаковым, в татарском языке является следствием «редукции древнебулгарского губно-губного *o*» (1954 : 15).

В результате переселения казанских татар, начавшегося в XVI в. (Кузеев 1974 : 483), и последующего смешения с ними фонема a° могла появиться и в башкирском языке. Для установления причин и относительной хронологии перехода $a > o$ в луговом наречии необходимо, отказавшись от фактов татарского языка, обратиться к рассмотрению аналогичного процесса в болгарском языке.

В болгарских заимствованиях венгерского языка переход $a > o$ не нашел отражения (Gombocz 1912 : 138). В них на месте современных чув. o и u произносятся $\acute{a}$ и a : венг. *árpa* 'ячмень' — чув. *orva, urva* (к.-калп., кирг., ног. *arpa*); венг. *alma* 'яблоко' — чув. *olma, ulma* (к.-калп., каз. *alma*). Это означает, что в болгарском языке a стал переходить в o после прекращения контактов между его носителями и венграми. На основании булг. *zal* 'год', которому соответствуют чув. *šol* и *šul* 'год', М. Ряснен сделал вывод, что в период между VII и XII вв. (по крайней мере, в его первой половине) древнетюрк. a в первом слоге чувашских слов еще сохранялся (Räsänen 1923 : 92). Сходного мнения придерживался также Ю. Вихманн (Wichmann 1923 : 37). Гласный a выступает в чувашских заимствованиях горного и северо-западного наречий, вошедших в первой половине указанного М. Рясненем времени. К XIV в., по свидетельству эпиграфических памятников, переход $a > o$ в языке-источнике завершился. Н. Ф. Катанов (1920 : 13) писал: «Диалект надписей есть окающий, а не укающий...». После XIV в. в чувашском языке $o < a$ сузился в u , который сохраняется в его низовом наречии (Поппе 1925 : 408; Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков 1984 : 71). Следовательно, в луговое наречие соответствующие чувашские слова с o в первом слоге проникли не позднее XIV в. Вот немногие из общих заимствований: Г, СЗ *ka-rak* — Л *kora-k* 'ворона' < чув. *korak, kurak* (тат., башк., каз., к.-калп. *karga*); Г, СЗ *pa-ršân* 'шелк' — Л *po-ršân* 'шелк' < чув. *poržân, puržân* (тат., узб. *parča*); Г, СЗ *sa-laš* — Л *sola-š* 'косить' < чув. *šol, šul* (азерб., кумык. *çal*); Г, СЗ *ta-rtä* — Л *torta* 'оглобли' < чув. *torda, turda* (каз., к.-калп., ног. *tart*); Г *šal*, СЗ *ša-lâ* — Л *šo-lo* 'плот' < чув. *solâ, sulâ* (тат., каз., к.-калп. *sal*).

Причины лабиализации $a > o$ в чувашском языке объясняются по-разному. Одни исследователи усматривают в нем общее проявление сужения гласных и относят это изменение к собственно тюркским, ссылаясь на наличие a° в татарском, башкирском и узбекском языках (Федотов 1965 : 14—15; Rédei, Róna-Tas 1972 : 293). Но гласный a° указанных языков, как отмечено выше, является поздним по времени развития, что ставит под сомнение попытку объяснить «на тюркской основе» (Федотов 1965 : 14) переход $a > o$ в чувашском языке. Интерес представляет мнение Б. А. Серебренникова (1956 : 77—79), считавшего, что рассматриваемый процесс в языке чувашей происходил под влиянием финно-угорского (прежде всего марийского) субстрата. Аналогичное высказывание имеется также у А. А. Юлдашева. Но учитывая, по-видимому, гипотезу археологов о довольно раннем появлении тюрков на Волге (см. критику этой гипотезы: Казанцев 1985 : 69—77), он относит фонему a° к ареальному достоянию, которое получило «свое развитие через посредство далекого наследия поволжских тюркских языков» (Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков 1984 : 148).

Развитием идеи Б. А. Серебренникова является вывод Л. П. Грузова, который допускает мысль, что лабиализация a в марийском языке обусловлена воздействием окружающих согласных $l, m, n, r, č$ и $š$ (1969 : 102). К ним В. И. Лыткин добавил k , указывая на сходное с

луговым наречием огубление *a* в пермских языках (Лыткин 1972 : 103). При этом лабиализирующее влияние отдельных согласных на *a* могло поддерживаться и усиливаться другими фонетическими закономерностями. Среди них называют отпадение конечного гласного, с которым В. И. Лыткин (1957 : 82) связывал удлинение и последующее сужение оставшегося гласного в корне. Помимо этого, признается действие горизонтальной гармонии (Rédei 1968 : 41—43).

Окружающие согласные, отпадение конечного гласного и горизонтальная гармония, взятые в совокупности, были, судя по всему, лишь катализаторами в развитии перехода $a > o$. Сам процесс скорее вызван (на это исследователи пермских языков не обращают внимания) регрессией $\ddot{a} > a$, которая выступает как частное проявление массового отхода назад гласных переднего ряда (Лыткин 1974 : 166—168). Здесь вслед за Э. Итконеном (Itkonen 1953 : 265—266) и В. И. Лыткиным (1964 : 162—170) можно привести следующие соответствия: коми *aj*, удм. *ajj* 'отец; семя' (фин. *äijä* 'старик'); коми *naje* 'они' (фин. *nämä* 'эти'); коми и удм. *pašpu* 'орешник' (фин. *pähkinä* 'орех'). То, что отход $\ddot{a} > a$ предшествовал лабиализации $a > o$, подтверждают слова, в которых древнеперм. *o* (удм. *o > u*) в прибалтийско-финских языках соответствует *ä*: коми *loknj*, удм. *liktiñi* 'прийти, прибыть' (фин. *lähteä* 'уходить, удалиться'); коми *rom*, удм. *pum* 'конец; исход' (фин. *pää* 'голова, череп; конец'); коми *toš*, удм. *tuš* 'борода' (фин. *tähkä* 'колос'). В результате перехода $\ddot{a} > a$ в языках пермской ветви появился *a*, средний по ряду, что нарушило прежние фонематические отношения между $*\ddot{a}$ и $*a$ и стало одной из основных (если не решающей) причин лабиализации *a* (коми *oškov* 'шаг', удм. (Видеман) *utškył* — фин. *askel(e)* 'шаг'). Так возникли новые отношения между их рефлексами. Промежуточной ступенью в $a > o$ в пермских языках исследователи (Лыткин 1964 : 173; Itkonen 1969 : 139) считают a° . От его реконструкции, связанной с традицией в финно-угроведении, нужно отказаться.

Относительную хронологию как $\ddot{a} > a$, так и $a > o$ можно установить на основе чувашских заимствований. В языках пермской ветви, особенно коми-зырянском, они показывают один и тот же гласный *a*: коми *kaj* 'птичка', удм. *kaj* : *kij kaj* 'дичь' < чув. *kajäk* < $*käjik$ (др.-тюрк. *käjik* 'хищное животное; дикий зверь'); коми и удм. *kab* 'форма, внешний вид, корпус' < чув. *kap* < $*käp$ (тел. *käp*); коми *kan* 'князь; царь' < чув. *çon*, *çun* < $*çan$ (тат. *çan*). На основании примеров, число которых ограничено, можно сделать вывод, что к началу контактов с булгарами переход $\ddot{a} > a$ в пермском языке-основе, который существовал до X в. (Лыткин 1957 : 24), не завершился, тогда как процесс лабиализации $a > o$ еще не зародился. Он мог возникнуть только после контактов прапермян с булгарами и действовал недолго, как об этом без указания на относительную хронологию писал В. И. Лыткин (1964 : 173).

Проанализированный фактический материал показывает, что изменения $\ddot{a} > a$ и $a > o$ первоначально возникли в языках пермской ветви. Пока нет ясного ответа на вопрос, как происходило распространение в луговом наречии связанных друг с другом двух звуковых законов. Самым простым было бы объяснение, что новые явления распространялись в ходе освоения его носителями Ветлужско-Вятского междуречья. Но изменения $\ddot{a} > a$ и $a > o$ в чувашском опровергают такую вероятность. Поэтому необходимо учитывать присутствие пермского населения в прошлом не только на левобережье Волги, но и на ее правобережье. Вначале сюда проникли ананьинцы, а потом пьяноборцы (см. Казанцев 1985 : 31, 35). В первые века н. э. Окско-Сурское междуречье занимали кошибеевские племена, в культуре которых имелись

городецкие и пьяноборские черты. Это смешанное население мы, в отличие от других исследователей (Трубникова 1965 : 53—61), считаем прамарийским. Оно в Окско-Сурском междуречье, хотя и не компактно, существовало до начала II тыс. н. э. Одна из групп сосредоточилась на северо-западе Чувашии. Сопоставление марийских топонимов данной территории с их соответствиями на левобережье Волги убеждает в том, что на северо-западе Чувашии складывалось луговое наречие. Следовательно, причиной изменений $\ddot{a} > a$ и $a > o$ в нем стал правобережный пермский субстрат. Благодаря контактам с предками луговых марийцев аналогичные эволюции гласных нижнего подъема действовали в болгарском языке. Время распространения новых фонетических законов приходится на начальный этап инфильтрации южных племен в северо-западные районы Чувашии и сближения их с местным населением (Казанцев 1985 : 87). Знаменательно, что $a < * \ddot{a}$ в луговом наречии (Грузов 1969 : 87) и в чувашском (Резуиков 1959 : 27—28) является таким же среднерядным, как и в пермских языках. Поэтому соответствующий процесс правомернее назвать не веляризацией, как принято в существующей литературе, а медиализацией.

Ко времени прихода татар на современную территорию в соседних языках прекратили функционировать оба типа фонемных изменений, поэтому в татарском языке они не отмечены. В нем, равным образом и в башкирском, $\ddot{a} > e > i$ после XIV в. (Радлов 1884 : 25). Иного мнения придерживается М. Р. Федотов (1980 : 89). Углубляя время действия рассмотренного выше перехода $\ddot{a} > a$, он датирует начало сужения $\ddot{a} > e > i$ второй половиной XI в. Татарский язык не знает также лабиализации $a > o$. Древнетюрк. a в заказанских говорах стал лишь лабиализованным. В этой модификации наряду с марийским и болгарским субстратом (о чем говорилось выше) следует признать удмуртский, наличие которого в Заказанье доказывается данными различных наук (Казанцев 1987 : 131—132). Вот почему относящаяся к новообразованиям фонема a^o в башкирском языке не могла появиться до начала переселения казанских татар в западные районы расселения его носителей.

Почему же в горном и северо-западном наречиях нет примеров, за исключением одного (Г *la-pšem* 'повод; узды' — фин. *lämsi* 'аркан'), на $\ddot{a} < a$, но имеются случаи лабиализации $a > o$? Отсутствие таких фактов должно означать, что общие предки носителей двух диалектов тогда находились за пределами расселения луговых марийцев, очевидно, на юге Чувашии. Здесь встречается несколько селений с одним названием *Шемурша*, в котором исследователи (Егоров 1954 : 31; Федотов 1968 : 181; 1970 : 133) усматривают мар. *шeмyржa* 'спорынья' (букв. *шeм* 'черный' и *yржa* 'рожь'). В речи жителей д. Шемурши и соседних с ними чувашских селений сохранилось слово *йахтă* 'сосна' (Федотов 1968 : 182), которое соответствует названию сосны (*ja-ktā*) в горном и северо-западном наречиях.

Описанная территория южной Чувашии в прошлом граничила с Булгарией. Иначе невозможно объяснить наличие чувашских заимствований в горном и северо-западном наречиях, вошедших до начала медиализации $\ddot{a} > a$. С другой стороны, первоначальная земля горных и северо-западных марийцев располагалась недалеко от мордвы (прежде всего мокши), о чем свидетельствует, кроме консервации $* \ddot{a}$ и $* a$ в исконных словах, типологически сходное для их языков расширение $o > a$: мокш. *vaj* 'масло' (фин. *voi* 'масло'); Г, СЗ *ama-sa* — Л *opsa*, *omsa*, *omasa* 'дверь' (фин. *ovi* 'дверь'). В этих марийских диалектах оно охватило также чувашские заимствования (Räsänen 1920 : 79): Г, СЗ *ja-lđaş* — Л *jolta-š*, *jolda-š* 'товарищ' < чув. *joldaš*, *juldaš* (ног.

joldaš).³ В результате $o > a$ нарушилось равновесие в системе гласных. Это могло породить в горном и северо-западном наречиях обратную лабиализацию $a > o$, сходную с таковой в луговом наречии: *ko-daš* — *ko-ðaš* 'оставлять; остаться' (фин. *kadota* 'теряться, исчезать', морд. *kadoms* 'оставить; отставить'); *kok* 'два' (фин. *kaksi*, мокш. *kafta*, эрз. *kavto* 'два'); *kol* 'рыба' (фин. *kala*, морд. *kal* 'рыба'); *mokš* 'печень' (фин. *maksa*, мокш. *maksa*, эрз. *makso* 'печень'); *mošta-š* — *mo-štaš* 'уметь' (фин. *mahtaa* 'мочь', морд. *maštoms* 'уметь'); Г $o \cdot \beta \dot{\bar{a}}$ 'тест', СЗ $o \cdot \beta o$ 'свекор' (фин. *appi* 'тест; свекор'); *toš* 'обух' (фин. *tahko* 'точило'); *to-što* — *to-štā* 'старый' (мокш. *tašta*, эрз. *tašto* 'старый'); *šo-lo* — *šol* 'вязь' (фин. *halava* 'ива'); *šolāšta-š* — *šo-lāštaš* 'воровать' (фин. *salata* 'таить, укрывать', морд. *salams* 'украсть, унести'). Это изменение могло произойти после выхода южной группы соплеменников к Волге, т. е. не позднее XIV в., и установления контактов с предками луговых марийцев. Некоторое влияние на лабиализацию $a > o$ в исконных словах горного и северо-западного наречий оказывал чувашский язык, из которого, по всей вероятности, одновременно с луговым воспринят целый ряд слов по завершении однотипной эволюции гласных: *mo-kmār* — *mo-kmār* 'похмелье' < чув. *mokmār*, *mukmār* (тат. *makmyr*); *oksa* — *o-ksa* 'деньги' < чув. *okša*, *ukša* (тат. *akča*). Несмотря на то, что примеры на $a > o$ можно найти во всех диалектах, марийский язык все же сохранил древнейшие слова, в которых $*a > a$: *βaštalta-š* — *βašta-ltaš* 'менять, обменивать' (фин. *vaihtaa* 'менять, обменивать'); *mana-š* — *ma-naš* 'сказать' (фин. *manata* 'заклинать; проклинать'); Л *kaŋga* 'худой, тощий' (фин. *kankea* 'жесткий, тугой'); *parema-š* — *pare-māš* 'поправляться, выздоравливать' (фин. *parantua* 'выздоровливать, поправляться'); *βašta-r* — *βa-štar* 'клен' (фин. *va(a)htera* 'клен').

Рассмотренные фонемные изменения, общие для языков Волго-Камья, не были бы возможны без контактов в прошлом между их носителями (см. схему).

Передний	Средний	Задний		Подъем
Неогубленный		Неогубленный	Огубленный	
				Средний
				Нижний
$\ddot{a}$ — — — — — $\rightarrow \ddot{a}$				

³ Расширение $o > a$ не могло продолжаться до середины XIX в., как думает Г. Березки (Bereczki 1968 : 74). На это указывает отсутствие фактов $o > a$ в татарских заимствованиях. Русские заимствования из горного наречия, приведенные исследователем, допускают иную трактовку. Все они, будучи устными проникновениями, даны в существующей русской орфографии и не отражают фонетических особенностей здешних говоров, многие носители которых до переселения жили в южных и западных губерниях России (Казанцев 1985 : 135—136). Этот факт подтверждает также в русских заимствованиях a предпоследнего слога (в горном ударение чаще на предпоследнем слоге), которому в южнорусских говорах соответствует a в первом предударном слоге: *ka-mbert* < рус. (ср. южн. *канв'ёрт*), *ka-mbet* < рус. (ср. южн. *канф'ёта*).

Сокращения

азерб. — азербайджанский; **булг.** — болгарский; **др.-тюрк.** — древнетюркский; **каз.** — казахский; **к.-калп.** — каракалпакский; **кирг.** — киргизский; **кум.** — куманский; **кумык.** — кумыкский; **малм.** — малмыжский говор марийского языка; **морк.-серн.** — моркинско-сернурский говор марийского языка; **ног.** — ногайский; **тел.** — телеутский; **тур.** — турецкий; **узб.** — узбекский; **уйг.** — уйгурский; **южн.** — южное наречие русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Бурганова Н. В. 1978, Из истории формирования фонетических особенностей татарских говоров Заказанья. — Источниковедение и история тюркских языков, Казань, 78—95.
- Грузов Л. П. 1964, Редуцированные гласные в диалектах марийского языка. Качественно-количественное описание. — Труды МарНИИ, вып. XVIII, Йошкар-Ола, 3—22.
- 1969, Историческая грамматика марийского языка. Введение и фонетика, Йошкар-Ола.
- Егоров В. Г. 1954, Современный чувашский литературный язык, часть I, Чебоксары.
- Залялетдинов Л. 1954, Средний диалект татарского языка. Автореферат докт. дисс., Казань.
- Казанцев Д. Е. 1985, Формирование диалектов марийского языка, Йошкар-Ола.
- 1987, О разных трактовках некоторых письменных источников по истории марийцев. — СФУ XXIII, 131—134.
- Катанов Н. Ф. 1920, Чувашские слова в болгарских и татарских памятниках, Казань.
- Кузеев Р. Г. 1974, Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения, Москва.
- Лыткин В. И. 1957, Историческая грамматика коми языка. Введение, фонетика, Сыктывкар.
- 1964, Исторический вокализм пермских языков, Москва.
- 1972, Лабиализация гласных в пермских и марийском языках. — СФУ VIII, 101—113.
- 1974, Сравнительная фонетика финно-угорских языков. — Основы финно-угорского языкознания, Москва, 108—213.
- Полыванов Е. Д. 1933, Некоторые фонетические особенности каракалпакского языка. — Труды Хорезмской экспедиции, Ташкент.
- 1935, Материалы по грамматике узбекского языка. Введение, вып. 1, Ташкент.
- Поппе Н. Н. 1925, Чувашский язык и его отношение к монгольскому и турецким языкам. — Известия Российской Академии наук, серия VI, № 9—11, Ленинград, 405—426.
- Радлов В. В. 1884, О языке куманов. — Приложение «Записки» Академии наук, № 4, С.-Петербург.
- Резюков Н. А. 1959, Сопоставительная грамматика русского и чувашского языков, Чебоксары.
- Серебрянников Б. А. 1956, К истории звуков чувашского языка. — Ученые записки ЧувНИИ, вып. 14, Чебоксары, 76—85.
- Смирнов А. П. 1966, Скифы, Москва.
- Смирнов К. Ф. 1964, Савроматы. Ранняя история и культура сарматов, Москва.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика, Москва 1984.
- Трубинкова Н. В. 1965, Древние мордовские племена в начале I тысячелетия н. э. — Этногенез мордовского народа, Саранск, 53—61.
- Федотов М. Р. 1965, Исторические связи чувашского языка с языками угрофиннов Поволжья и Перми, Чебоксары.
- 1968, Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками, Чебоксары.
- 1970, Заметки о финно-угорских элементах в некоторых географических названиях Чувашии. — СФУ VI, 127—135.
- 1980, Чувашский язык в семье алтайских языков, часть I, Чебоксары.
- Халиков А. Х. 1958, Марийская археологическая экспедиция 1956 г. — Труды МарНИИ, вып. 11, Йошкар-Ола, 73—89.
- Чичуров И. С. 1976, Экскурсы Феофана о протобулгарах. — Древнейшие государства на территории СССР, Москва, 65—80.

- Щербак А. М. 1970, Сравнительная фонетика тюркских языков, Ленинград.
- Beke, Ö. 1911, Cseremis nyelvtan, Budapest.
- 1934, Zur Geschichte der finnisch-ugrischen *s*-Laute. — FUF XXII, 90—122.
- Bereczki, G. 1968, Wichtigere lautgeschichtliche Lehren der russischen Lehnwörter im Tscheremissischen. — CIFU II 71—77.
- Gombocz, Z. 1912, Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache, Helsinki (MSFOu XXX).
- Itkonen, E. 1953, Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Tscheremissischen und in den permischen Sprachen. — FUF XXXI, 149—345.
- 1969, Thesen und Antithesen in der finnisch-ugrischen Vokalforschung. — UAJb. 41, 212—251.
- Paasonen, H. 1918, Die finnisch-ugrischen *s*-Laute, Helsinki (MSFOu XLI).
- Rasony, L. 1953, Sur quelques catégories de noms de personnes en turc. — ALHung. 3, 323—351.
- Rédei, K. 1968, A permi nyelvek első szótagi máhánhangzóinak a történetéhez. — NyK LXX, 41—43.
- 1969, Neue Aspekte zur permischen Vokalforschung. — UAJb. 41, 130—141.
- Rédei, K., Róna-Tas, A. 1972, A permi nyelvek ősermi kori bolgartörök jövevény-szavai. — NyK 74, 281—298.
- Räsänen, M. 1920, Die tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen, Helsinki (MSFOu XLVIII).
- 1923, Die tatarischen Lehnwörter im Tscheremissischen, Helsinki (MSFOu L).
- Setälä, E. N. 1896, Über Quantitätswechsel im Finnisch-Ugrischen. — JSFOu XIV.
- 1916, Suomensukuisten kansojen esihistoria. — Maailmanhistoria II, Helsinki, 447—514.
- Wichmann, Y. 1906, Zur Geschichte der finnisch-ugrischen anlautenden *s*- und *č*-Laute im Tscheremissischen. — FUF VI, 17—39.
- 1923, Die türkischen Lehnwörter im Tscheremissischen. — FUF XVI, 32—51.

D. J. KAZANCEV (Joškar-Ola)

PROBLEME DER SPRACHKONTAKTE IM WOLGA-KAMA-BECKEN

Im Artikel betrachtet man dialektologische Entsprechungen von mar. $\ddot{a}$ — *a* und *a* — *o*, ihre Herkunft und Chronologie, die bis heute noch keine befriedigende Erklärung gefunden haben. Ihre Herausbildung wurde mit turksprachigem Einfluß erklärt, ohne zu berücksichtigen, daß $\ddot{a} > a$ und *a* > *o*, aus denen sich im Marischen die genannten Entsprechungen entwickelten, aus den permischen Sprachen herrühren. Der Autor vermutet eine genetische Verbindung zwischen den beiden Typen der phonetischen Veränderung im Vokalismus der Wolga-Kama-Sprachen. Diese Typen sind im Urpermischen entstanden. Zuerst kam es zur allgemeinen Velarisierung der vorderen Vokale, wobei die ursprünglichen phonetischen Beziehungen zwischen den ursprachlichen offenen Vokalen gestört wurden. Das wiederum führte zur Labialisierung von *a* > *o*. Dieser Prozeß konnte durch einige Nachbarkonsonanten und durch die horizontale Harmonie der Vokale beschleunigt worden sein.

Dank dem umfangreichen permischen Substrat konnten sich sowohl die Medialisierung $\ddot{a} > a$ als auch die Labialisierung *a* > *o* bei den Vorfahren der Wiesenmari am rechten Wolgauer in der Periode der regen Kontakte mit den Bulgaren verbreiten. Mit Hilfe des bulgarischen Substrats erklärt der Autor die teilweise Labialisierung von *a* in tatarischen Mundarten, wobei der Einfluß des Marischen und Udmurtischen nicht ausgeschlossen wird.

Das tatarische und baschkirische a^0 wird nicht mit dem usbekischen Phonem a^0 in Zusammenhang gebracht. Seine Entstehung könnte, nach Ansicht der Fachleute, durch das Tadshikische beeinflußt worden sein, denn in dieser Sprache kennt man einen ähnlichen Vokal, oder auch kombinatorische Bedingungen haben diese verursachen können.